

тета – регламентированность жизни. Несмотря на наблюдаемую свободу, японцы даже в сфере личного пространства следуют строгим правилам, традициям, которые никто не смеет нарушать. Индивидуальность возможна только в рамках общих разрешений-запретов, которые обсуждению и тем более осуждению не подлежат. Потому и прячут за занавеской своих любимых придворные дамы, что нет у них официального разрешения, как впрочем и запрета, на такого рода отношения. Но в любом случае наипервейшим становится соблюдение хорошего тона, как главного критерия оценки японца. Следование строгим правилам японского мира – это закон, не нарушаемый до сих пор. Церемониальность, *иерархичность* – то, без чего не мыслима жизнь японцев. Правильно выраженная благодарность, постоянные поклоны, соблюдение неписанного закона – всему свое место. Потому так трепетно относятся придворные дамы к различного рода ритуалам: «В цветах одежд соблюдались запреты. Никому не позволили наряжаться так, как он того пожелает», «Высшие сановники получили одежды для жен, а также одежду и одеяла из числа подношений новорожденному. Придворным четвертого ранга полагалось по набору одежд на подкладке и хакама. Придворные пятого ранга получили по набору одежд, шестого – по паре хакама. ... Подарки были розданы в соответствии с рангами [1]. Однако в тех случаях, когда речь идет о соблюдении правил с незнакомыми людьми или людьми, стоящими ниже тебя по положению, наблюдается ярко выраженная гибкость

отношений. Это обусловлено соотношением в японском мире понятий «мир» и «личное пространство», «близкое» и «далекое». Все, что не знакомо и не близко японцу не воспринимается им как имеющее необходимость соблюдения законов общения. Церемониальность касается только близкого и вышестоящего по положению круга лиц, все остальное подобной учтивости не заслуживает априори.

Таким образом, женская проза средневековой Японии является огромным материалом для изучения отражения специфики менталитета нации, поскольку формируется в момент борьбы за самобытность японского народа. Основопологающий для японского менталитета культ естественности обусловил своеобразие взглядов японцев на окружающий мир, отношения между мужчиной и женщиной, наделив их определенной долей свободы, *тем не менее, подчиненной строгим законам* и правилам патриархального японского общества.

Список литературы

1. Дневник Мурасаки Сикибу [Электронный ресурс]. – URL: <http://readr.ru/murasaki-sikibu-dnevnik.html?page=12> (дата обращения 10.01.2012).
2. Конрад Н.И. Очерки японской литературы. – М.: Худ. лит., 1973.
3. Литература Востока в средние века: в 2 ч. Ч 1. / под ред. Н.И. Конрада. – М., 1970.
4. Овичников В. Ветка сакуры. – М.: Мол. гвардия, 1971.
5. Сэй-Сенагон Записки у изголовья // Средневековая японская литература. – М.: Эксмо, 2009. – С. 253–567.
6. Сумм Л. Очарование печалью вещей // Средневековая японская литература. – М.: Эксмо, 2009. – С. 7–27.
7. Штейнер Е.С. Приближение к Фудзияме. – М.: Слово/Slovo, 2011.

Философские науки

ФИЛОСОФИЯ И СПЕЦИФИКА ГУМАНИТАРНОГО ПОЗНАНИЯ

Петина М.А.

Самарский государственный технический университет, Самара, e-mail: shloss@yandex.ru

Всем известна всеохватывающая позиция философии в высшем учебном заведении. Являясь отдельной дисциплиной, в традиционном образовании она занимает весьма особое положение между науками о природе и сознании человека. Как пишет Р. Хатчинс: «Целью высшего образования является мудрость. Мудрость же есть знание принципов и причин. Следовательно, метафизика есть наивысшая мудрость... Если мы не можем обращаться к теологии, то мы должны обратиться к метафизике. Без теологии или метафизики мир не может существовать» [Цит. по: 2. с. 43]. Из приведенного суждения следует, что философия воплощает в себе некое интеллигентное пространство и смысл, в нем заключенный, который независим от науки и имеет

вечную ценность. Кроме того, именно философия, в данном контексте, составляет основу университетского образования, прививая навыки самостоятельного мышления, а также осуществляет важную культурологическую миссию: синтезирует, уравнивает, дополняет науки о природе, учением о творчестве человеческого духа. Не случайно, в немецкой философской традиции для обозначения области гуманитарных наук использовался термин «науки о духе». К творениям человеческого духа относятся: произведения искусства, язык, социальные институты, религии и т.д., которые раскрываются для исследователя гуманитарного познания как символы и знаки сущности человеческого бытия как бытия культуры. В философии направления, защищающие особый характер гуманитарного познания – философия жизни, неокантианство, феноменология, экзистенциализм, философская герменевтика.

Гуманитарные науки необходимым образом отличаются от естественных наук. Они отлича-

ются не только методом, но и предметом познания. Так познание бытия человека раскрывается в схватывании его целостности, индивидуальности и неповторимости. А для этого, помимо ограниченного набора рациональных средств, требуется непосредственное переживание и основанное на нем понимание и истолкование. Ввиду этого, важными для гуманитарной составляющей являются категории смысл, цель, ценность, значимость. Тогда как при исследовании природных явлений формируются общие законы, с помощью которых мы можем объяснить природу.

Для гуманитарных наук характерна процедура интерпретации. Ярким ее проявлением стал метод герменевтики. Фр. Шлейермахер, освободив ее от теологического содержания, эксплицировал на сферы общего культурно-исторического бытия, с его духовным и экзистенциальным содержанием. Герменевтика выступила у него методом интерпретации истории, искусства, текстов в частности.

С другой стороны, проводя различие между науками о природе и духе мы, на наш взгляд, можем увидеть и точки сближения. В частности, данный тезис попробуем продемонстрировать на аналитике проблемы так называемого «предварительного понимания», обозначенного в герменевтической философии Хайдеггера – Гадамера, и являющейся одной из центральных в работах К. Апеля. «Предварительное понимание как некоторый вид языкового априори, которое в равной мере является предпосылкой как естественно-научного, так и историко-гуманитарного исследования, ... определяет исходную интуицию ученого, ... помогает увидеть ту или иную природную связь» [1. с. 445]. И действительно, как показывает постпозитивистская философия, теории точного естествознания являются конструкциями сознания, отражающими историческое содержание культуры и духа своего времени. Более того, научному знанию в целом свойственна гипотетичность понимания, и плюралистичность научных теорий, сосуществующих в один и тот же исторический период. Несмотря на все попытки приблизиться к предметному содержанию, исключив умонастроение и позицию высказывающегося, идеологию в целом, устранить до конца релятивизм, отражающийся в концепции «предварительного понимания», невозможно. В этой постановке, естествознание и гуманитарные науки – не соперницы в вопросе приоритетов объективности, а взаимодополняющие составляющие современного корпуса социального института науки и образования.

Список литературы

1. Гайденко П.П. Прорыв к трансцендентному: Новая онтология XX века. – М.: Республика, 1997.
2. Франк Ф. Философия науки. Связь между наукой и философией: пер с англ. – 2-е изд. – М.: Изд-во ЛКИ, 2007.

БЫТИЕ КАК СМЫСЛ СУЩЕСТВОВАНИЯ В ФИЛОСОФИИ Р. ДЕКАРТА

Харитоновна Н.Н.

*Стерлитамакская педагогическая академия
им. Зайнаб Бишшевой, Стерлитамак,
e-mail: haritonova.n.n.58@mail.ru*

В метафизике Декарта берет начало иной способ истолкования бытия, при котором бытие определяется на пути рефлексивного анализа сознания, то есть анализа самосознания, или же на пути осмысления бытия сквозь призму человеческого существования, бытия культуры, социального бытия.

Тезис Декарта – «*cogito ergo sum*» – мыслю, следовательно существую – означает: бытие субъекта постигаемо в акте самопознания.

Основная черта философского мировоззрения Декарта – дуализм души и тела, «мыслящей» и «протяженной» субстанции. Человека есть реальная связь бездушного безжизненно-го телесного механизма с душой, обладающей мышлением и волей. Из всех способностей человеческой души он выдвигал на первое место волю. Главное действие аффектов, или страстей, состоит в том, что они располагают душу к желанию тех вещей, к каким подготовлено тело. Сам бог соединил душу с телом, отличив тем самым человека от животных.

Декарт видел конечную задачу знания в господстве человека над силами природы, в открытии и изобретении технических средств, в познании причин и действий, в усовершенствовании самой природы человека. Он ищет безусловно достоверное исходное основоположение для всего знания и метод, посредством которого возможно, опираясь на это основоположение, построить столь же достоверное здание всей науки.

Исходный пункт философских рассуждений Декарта – сомнение в истинности общепризнанного знания, охватывающее все виды знания. Однако, сомнение есть не убеждение агностика, а только предварительный методический прием. Можно сомневаться в том, что существует внешний мир, и даже в том, существует ли мое тело. Но само мое сомнение во всяком случае существует. Сомнение же есть один из актов мышления. Я сомневаюсь, поскольку я мыслю. Если, таким образом, сомнение – достоверный факт, то оно существует лишь поскольку существует мышление, поскольку существую я сам в качестве мыслящего.

Эту линию развивает немецкий философ Г. Лейбниц, который выводит понятие бытия из внутреннего опыта человека, а крайнего выражения она достигает у английского философа Дж. Беркли, отрицающего существование материального бытия и выдвигающего субъективно-идеалистическое положение «быть – это значит быть в восприятии».

Список литературы

1. Сумерки богов: сборник. – М., 1989.
2. Хайдеггер М. Время и бытие. – М., 1993.